

УДК 821.161.1

КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ У РАННЕЙ АХМАТОВОЙ В КОНТЕКСТЕ АКМЕИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКОВ «ВЕЧЕР» И «ЧЕТКИ»)

Меркель Е.В.

Технический институт (филиал) ФГАОУ ВПО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», Нерюнгри, Россия (678960, Нерюнгри, ул. Кравченко, 16), e-mail: merkel-e@yandex.ru

В статье рассматривается категория времени в сборниках «Вечер» (1912) и «Четки» (1914) Анны Ахматовой. Доказывается, что темпоральные особенности ранней лирики поэтессы во многом обусловлены акмеистическими представлениями о хронотопе. В статье, во-первых, показывается, что в стихах, вошедших в ранние сборники, функция временных координат – реабилитировать реальное бытие, что характерно для поэтики акмеизма в целом. Во-вторых, доказывается, что время мифологизируется, причем мифологизация происходит в рамках фольклорной и одновременно православно-религиозной модели. В-третьих, демонстрируется, как поэт различными способами «овеществляет» время, при этом его мерой становятся детали «вещного мира», интерьера, пейзажа. Акмеистические представления о природе времени позволили Ахматовой впоследствии запечатлеть характерные приметы исторического времени, начиная с эпохальных событий и заканчивая бесконечной онтологической перспективой.

Ключевые слова: время, пространство, хронотоп, мифология, малый и большой солярные циклы, нумерология, спациональность, параллелизм, психологизм.

CATEGORY OF TENSE IN THE CONTEXT OF ACMEISTIC DISCOURSE IN THE EARLY WORKS OF ANNA AKHMATOVA (BY THE EXAMPLE OF COLLECTIONS “EVENING” AND “BEADS”)

Merkel E.V.

Technical Institute (branch) of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, Nerungri, Russia (678960, Sakha Republic, Nerungri, 16 Kravchenko-st.), merkel-e@yandex.ru

The article deals with the category of tense in the collections “Evening” and “Beads” by Anna Akhmatova. It’s proved that temporal peculiarities of the early poetry are mainly caused by acmeistic images of chronotope. Firstly, it is shown that temporal coordinates in the poems of early collections retrieve real existence, which is in general specific to the poetry of acmeism. Secondly, it is proven that time is mythologized simultaneously, within folkloric and orthodox – religious model. Thirdly, it is presented that the poet by means of different ways “materializes” time, and measures are details of “material world”, interior scene and landscape. Basing on these acmeistic thoughts of time’s nature, Anna Akhmatova, further, characterized specific features of historical time, from epoch-making events to eternal ontological outlook.

Keywords: tense, space, chronotope, mythology, small and big solar cycles, numerology, spatiality, parallelism, psychology.

Одним из главных «отмежеваний» акмеистов от символистской эстетики стало стремление вернуть в поэзию реальное (воспринимаемое органами чувств) бытие. Отсюда – не только вещная детализация, зримость и осязаемость, но и стремление к конкретной временной прикреплённости описываемых событий. Поэтику акмеизма отличает высокая аксиологичность единичного, уникального в своем роде события. Такая темпоральная установка была связана с объявленной акмеистами самоценности бытия, которое – как процесс – ставилось даже выше, чем значимость самого субъекта этого бытия: «существование вещи больше самой вещи, а свое бытие больше самих себя...» [5, 144]. Отсюда проистекает установка на реабилитацию реального времени, его точечных эманаций

на оси истории. Такой «овеществленный историзм» продуцировал пристальное внимание акмеистов к конкретной дате, часу, мгновению. Не исключение здесь и поэтика ранней Ахматовой, где большое значение предается протеканию жизни, ее конкретным временным приметам. А они могут быть связаны как с солярно-суточным циклом, так и с конкретными датами.

Цель исследования – установить закономерности художественного времени в творчестве ранней Ахматовой в контексте акмеистической модели мира.

Материал и методы исследования – стихотворения, вошедшие в сборники «Вечер» (1912) и «Четки» (1914).

Методы исследования – системно-типологический и культурно-исторический.

Результаты исследования и их обсуждение

Осмысление времени в раннем творчестве Ахматовой связано с календарной символикой, в которой причудливо сплавлены как фольклорные, так и религиозно-православные архетипы. Чаще всего в ахматовских текстах встречаются православные торжества, иногда – светские праздничные дни, например: Крещение, Пасха, день памяти святой Агриппины (в народе названной «Аграфеной»): «О нем гадала я в канун Крещенья...»; «Горят твои ладони, / В ушах пасхальный звон...», «Зачем во дни святые / Ворвался день один»; «Со дня Купальницы-Аграфены...»; «Новогодний праздник длится пышно».

Ахматова строит собственные причинно-следственные отношения между окружающими явлениями, заимствуя из фольклора принцип симпатических связей, в которые втягиваются сакральные даты христианского календаря.

По такому принципу построено, к примеру, стихотворение «8 ноября 1913 года». Сам факт вынесения в заглавие сакральной даты делает ее смысловым ключом к стихотворению. 8 ноября по старому стилю – день архангела Михаила и именины М.Л. Лозинского, которому посвящается стихотворение: Солнце комнату наполнило // Пылью желтой и сквозной. // Я проснулась и припомнила: // Милый, нынче праздник твой... [1, т. 1, 62].

Этот «двойной» праздник, по логике автора, служит «чудесной» причиной преобразования природы, погоды, самочувствия героини.

Но даже когда событие не привязано к календарной дате, к какому-то памяtnому или праздничному дню, Ахматова всё равно находит для него конкретные временные рамки: «Меня покинул в новолуние», «Все как год тому назад», «Пусть струится она сто веков подряд», «Пять лет прошло», «Десять лет замираний и криков». Обратим внимание, что последние три примера содержат цифры, кратные пяти.

Иногда конкретизация сужается до минуты («Я пришла к поэту в гости. / Ровно в полдень. Воскресенье...»), почему-то часто это – ровно три часа дня: «Три в столовой пробило», «Я сошла с ума, о, мальчик странный, / В среду, в три часа!». Иногда тройка присутствует и в более длительных отрезках времени: «Целых три недели / Все шепчешь...», «Третий месяц я от них не сплю». Учитывая то, что мы выше обнаружили ряд темпоральных чисел, кратных пяти, можно заключить, что Ахматова не просто насыщает свои первые циклы конкретными временными «узлами», но за счет выбора «особого числа» придает им сакральность. Такое внимание к нумерологии станет отличительной чертой и поздней ахматовской поэтики, более того – оно разовьется в сложную систему числовых переключек, маркирующих тайные смыслы и намеки на важные события, людей, точки пространства.

Пожалуй, важнейшим приемом, используемым Ахматовой в первый двух сборниках, является параллелизм: либо эксплицированный, либо данный латентно. Причем этот прием устанавливает связь не только с природно-вещным миром, но и со временем, инспирирующим то или иное состояние данного мира. Таким образом, Ахматова создает специфическую разновидность параллелизма, имеющего не только субстанциональную, но и процессуальную (временную) природу. Для раскрытия психологических глубин героини широко используются темпоральные приметы, чаще всего именно они являются своеобразным «прологом» к собственно лирической части стихотворения. Получается, что три сферы: субстанциональная, темпоральная и психологическая оказываются изоморфными, нередко являясь репрезентантами друг друга. Преимущественно это взаимопроникновение коренится в специализации: именно пространственность становится у Ахматовой той основой, на которой базируются вещно-вещественное и временное. Это – «очень акмеистический» ход, ведь в данном литературном течении одним из базовых принципов становится внимание к чувственно-конкретному с тяготением к осязательному: «мерой времени становятся вещи» [3, 31].

Такая временная «пространственность» нередко обусловлена желанием Ахматовой указать на определенное время суток или время года. Чаще всего такие локативно-темпоральные приметы даны беглыми штрихами, чтобы за счет немногих, но ярких деталей сформировать у читателя визуальную картинку, на фоне которой будут разворачиваться те или иные душевные коллизии героини. В «Вечере» (см. в том числе и название сборника) и «Четках» таких «суточных» примет превеликое множество: «Сегодня я с утра молчу...», «Я эту ночь не спала...», «Сквозь стекло лучи дневные...», «И в ночи бездонной сердце учит...», «Завтра будет утро...», «Синий вечер», «Днем их мерцанье нежнее...», «Я всю ночь сижу с огнем...», «Белой ночью», «Покровом вечерней тьмы...», «Жгу до зари на окошке свечу...», «Луч утра», «Безветрен вечер», «В пустынную ночь», «Как меня томила ночь

угарная, / Как дышало утро льдом», «Вечерние часы перед столом...» и т.д. Очень часто такие приметы находятся в начале стихотворения, нередко – уже в первой строке.

Связь времени и пространства выявляется также на уровне природных примет: указать на то или иное время суток Ахматова может за счет введения в текст каких-то явлений или имеющих связь с временными характеристиками представителей «вещного мира», например, небесных тел: «Луна освещает карнизы», «Последний луч, и желтый и тяжелый...», «Восток голубел», «Лиловый сумрак гасит свечи». Здесь хотя и не говорится о времени суток напрямую, но оно легко восстанавливается за счет пейзажных или даже интерьерных особенностей.

В мифологии «симметричные» представители малого и большого солярного циклов являются выразителями не сходных, а онтологически единых сущностей: «В мифологическом смысле именно альтернатива дня и ночи является элементарной семантической моделью оппозиций света и тьмы, по которой строятся все календарные мифологемы. Солярно-суточные и сезонно-аграрные циклы мифов сближаются и переплетаются иногда до отождествления. <...> Представление о частях дня переносится в мифологии на год и на более длительные сакральные циклы. Утро, полдень, сумерки и ночь метафорически означают весенний, летний, осенний и зимний сезоны...»[2, 612-615]. То же наблюдается в акмеизме с его архетипическим отождествлением подобных явлений (подобное оказывается тем же).

У ранней Ахматовой мы также можем найти примеры соединения в одном контексте «симметричных» репрезентантов большого и малого солярного циклов: «Вечер осенний был душен и ал» (вечер мифолого-метафорически равен осени); «Весенним солнцем это утро пьяно» (утро – тождественно весне); «За ночь прийти успеет / Зима» (ночь – то же, что и зима).

Примет, связанных с временами года, также, как и суточных, у ранней Ахматовой предостаточно: «Осень ранняя», «Легкий осенний снежок», «Осенние травы», «Весна как трель серебряного смеха»... При этом наблюдается одна любопытная инверсия общекультурного кода, речь идет о смене аксиологической валентности такого времени года, как весна, которая: Трудным кашлем, вечерним жаром // Наградит по заслугам, убьет. // На Неве под млеющим паром // Начинается ледоход («Не в лесу мы, довольно аукать...», 1914). [1, т. 1, 86].

Еще пример из стихотворения «Сегодня мне письма не принесли...» (1912): Он был со мной еще совсем недавно, // Такой влюбленный, ласковый и мой, // Но это было белою зимой, // Теперь весна, и грусть весны отравна... [1, т. 2, 20].

Окончание зимы является и окончанием жизни в стихотворении: «Сердце к сердцу не приковано...» (1911).

Таким образом, пора, несущая жизнь и обновление, оказывается аналогом осени, которая, по расхожим представлением, есть время увядания и умирания. Возможно, причиной указанной инверсии является одно из самых важных свойств «петербургского текста» русской литературы – указание на миражность города на Неве, его обманчивость, способность «переворачивать» привычные культурные коды.

У акмеистов, особенно в начале их творческого пути, понимание времени было укоренено не в иудео-христианском линейном дискурсе, а представлялось неким круговоротом. Такая концепция схожа с мифологическими представлениями, более того – во многом именно в них и коренится: в мифологии «время мыслится не линейным, а замкнуто повторяющимся, любой из эпизодов цикла воспринимается как многократно повторяющийся в прошлом и имеющий быть бесконечно повторяться в будущем»[4, 670]. Да и если мы обратимся к этимологии слова «время», то обнаружим, что оно содержит самый что ни на есть «циклический корень»: «русск. время и т.д. – из и.-евр. *uert-men-, от “вертеть, вращать”, т.е. “круг, поворот, оборот”» [6, 232].

Однако отличие акмеистического времени от мифологического заключается в его симультанности, возможности охватить всю темпоральную целокупность одним усилием (ср. у Мандельштама: «...вчерашний день еще не родился. Его еще не было по-настоящему. <...> Мы свободны от груза воспоминаний. Зато сколько редкостных предчувствий»[5, 169-170]). И преобразующим этот хронотоп, дающим ему полноту является Слово.

Похожее представление о круговороте времен присутствует и у Ахматовой в «Вечере» и «Четках», нередко речь идет о циклическом чередовании жизни-смерти: «Я молчу. Молчу, готовая / Снова стать тобой, земля» («Я пришла сюда, бездельница...», 1911). Обратим внимание на слово «снова»: получается, что героиня уже была землей, была мертва и снова возродилась. И здесь нет, по нашему мнению, апелляции к библейской «персти земной», из которой Бог создал первого человека, ведь Ева (а лирический монолог в стихотворении дан от лица женщины) была создана из ребра Адама, а не из земли.

О том, что бесконечность ранней Ахматовой не линейна, свидетельствует, например, следующий отрывок: Он длится без конца – янтарный, тяжкий день! // Как невозможна грусть, как тщетно ожиданье! // И снова голосом серебряным олень // В зверинце говорит о северном сиянье («Он длится без конца – янтарный, тяжкий день!», 1912). [1, т. 1, 57].

Обратим внимание, что застывшее время («длится без конца») связано с семантикой повторения («и снова...»).

Аналогичную мысль о «бесконечном возвращении», имеющем те же мифологические корни, отчетливо выразил и Гумилев в своей «Прапамяти». Нечто похожее звучит и в мандельштамовском «И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьей игре...»: нарушение с виду привычных причинно-следственных связей есть лишь вращение темпорального мифологического «колеса». Здесь, кстати, затронуты также отношения части и целого («и в бездревесности кружились листья»): в мифологической онтосемантике часть не только является репрезентантом целого, но и онтологически равна ему. Акмеизм, как видим, заимствовал это представление, причем перенес его из локативной в темпоральную сферу. Поэтому-то и возможны здесь соотнесения и отождествления темпорально малого (мгновение) и огромного («большое время»).

Если говорить о такой категории, как вечность, то следует заметить, что в символистской эстетике она теряет хоть сколь-нибудь внятные признаки, становится «аморфной», «расплывчатой». У символистов, наоборот, эта категория приобретает дискретность, самоценность в каждой ее точке. Причем оперируя «бесконечно малым», акмеисты аксиологически приравнивают самое темпорально протяженное к сверхкраткому – на всё устремлено их лирическое внимание. Более того, такое тяготение к временной дискретности, осознание значимости любого из протекших моментов приводит – в своем пределе – вообще к отказу от категории «вечного» как неясной, неконкретной, противящейся напряженно-рефлексивному акмеистическому аналитизму (ср. у Мандельштама: «Не говорите мне о вечности / Я не могу ее вместить», «И Батюшкова мне противна спесь...»). Ахматова, правда, не изгоняет вечность из своих лирических медитаций, однако нивелирует ее, отводит ей некое служебную функцию – для своеобразного «закрепления» конкретного, мгновенного. Это выразилось в особом приеме «фотографического снимка» действительности. Например, в стихотворении «Сердце бьется ровно, мерно...» (1913): ...И в руке твоей навеки // Нераскрытый веер мой. // Оттого, что стали рядом // Мы в блаженный миг чудес, // В миг, когда над Летним садом // Месяц розовый воскрес.... [1, т. 1, 69].

Такой своеобразный слепок со вселенной, течение которой словно навек остановлено, существует одновременно и в объективной реальности, и в ментальной – в сознании героини. Получается, что даже укорененное в вечности событие происходит не вообще в лишенной временных координат онтологической беспредельности, а в какой-то конкретной точке хронотопа. То есть перед нами определенная консервация значимого – рокового или счастливого – момента из жизни лирической героини.

Показательное «сопротивление» вечности, даже лучше – линейно-необратимому ее течению дано в стихотворении «Память о солнце в сердце слабеет...» (1911): В узких каналах уже не струится – // Стынет вода. // Здесь никогда ничего не случится, – // О,

никогда! <...> // Память о солнце в сердце слабеет. // Что это? Тьма? // Может быть!.. За ночь прийти успеет // Зима [1, т. 1, 28].

В первом катрене, кажется, что всё застыло («не струится ... вода»), то есть мир оказывается в том же состоянии, что было выражено в рассмотренном выше фрагменте формулой «длится без конца». Однако здесь, как и там, Ахматова разрушает эту экспансию со стороны вечности динамическим компонентом. Правда, раньше это было сочетание с семантикой цикличности («и снова»), в нашем же отрывке – это утверждение: «За ночь прийти успеет / Зима». Получается, что вечность не абсолютна, она нивелирована, как бы заключена в некие рамки, вероятнее всего, психологические. Наверное, поэтому если Ахматова и употребляет слова, связанные с бесконечным временной протяженностью, то они в большинстве своем связаны с ментальной сферой: не с бытием мира, а с сознанием лирической героини или ее возлюбленного – словно человеческая жизнь больше, чем время существования вешного мира: «Здесь мой покой навеки взят», «Влюбленный в меня навсегда», «Навсегда мой голос затих». Вероятно, именно в связи с такой «антропоморфностью» вечности, из-за интериоризации всего темпорального одной из важнейших категорий у ранней Ахматовой становится память.

Тема памяти обозначается в «Вечере» и развивается в «Четках» («Покорно мне воображенье...», «Голос памяти», «Память о солнце в сердце слабеет...»). При этом память здесь является как личной («И мальчик, что играет на волынке...»), так и культурной (цикл «В Царском селе»).

Категория памяти является связующей нитью между прошлым и настоящим, она онтологизирует минувшее, наделяет его конкретным (почти вещественным) бытием. Достаточно часто речь идет о любовных переживаниях, к которым лирическая героиня обречена снова и снова возвращаться. Например, в стихотворениях «Бессонница» (1912), «И когда друг друга проклинали» (1909).

Однако в контексте связи темпорального с локативным интереснее стихотворения, где памятью наделены не лирическая героиня или ее возлюбленный, а предметный мир. Такая специализация через категорию памяти дана в стихотворении «Вечерняя комната» (1911), где отмечается, что «комната помнит старину». В другом тексте памятью наделен дом: он помнит самоубийцу, здесь покончившего с собой: «На истертом красном плюше кресел / Изредка мелькает тень его» («Здесь все то же, то же, что и прежде...», 1912) [1, т. 1, 59].

Что касается культурной памяти, то она может быть связана с апелляциями к религиозному дискурсу (Христос, архангел Михаил, святая Аграфена-Агриппина и т.д.), литературному (Пушкин: «Смуглый отрок бродил по аллеям...», возможно, Данте: «Голос памяти»), историческому (Пётр: «Стихи о Петербурге») и т.д.

Вывод

Итак, можно заключить, что ключевые акмеистские установки, связанные с представлением о времени как о миромоделирующем факторе, в полной мере воплотились в сборниках «Вечер» и «Четки». В стихах, вошедших в указанные сборники, время, во-первых, мифологизируется (что характерно для акмеистической миромодели), причем мифологизация происходит в рамках фольклорной и христианско-православной модели. Во-вторых, оно оказывается мерой «вещества существования», которое, отражаясь в детализированных временных координатах, как бы обретает онтологическую, феноменологическую и психологическую конкретность, что было ценно для акмеизма, главной эстетической задачей которого было «оправдание» реального бытия. В-третьих, время в творчестве ранней Ахматовой специализируется, становится частью вещно-предметной картины бытия, что позволяет ей в будущем стать мастером «исторической живописи» и запечатлеть характерные приметы времени, начиная с эпохальных событий и заканчивая бесконечной онтологической перспективой.

Список литературы

1. Ахматова А. Сочинения: В 2 т. / Сост., примеч. М. М. Кралина. – М.: Правда, 1990.
2. Брагинская Н.В. Календарь // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 1. – М.: Советская энциклопедия, 1991. – С. 612-615.
3. Кихней Л.Г. Эоническое и апокалиптическое время в поэтике акмеизма // *Le Temps dans la poétique acméiste*. Lyon, Lyon III-CESAL, 2010. – P. 29-59.
4. Лотман Ю.М. О мифологическом коде сюжетных текстов // Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПБ, 2000. – 704 с.
5. Мандельштам О. Сочинения: В 2 т. / Сост. П.М. Нерлера, С.С. Аверинцева. – М.: Художественная литература, 1990. – Т.2. – 637 с.
6. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура: сб. науч. тр. – М.: Наука, 1983. – С. 227-284.

Рецензенты:

Кихней Л.Г., д.фил.н., профессор, профессор кафедры истории журналистики и литературы ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, г. Москва.

Темиршина О.Р., д.фил.н., доцент, профессор кафедры истории журналистики и литературы ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, г. Москва.